

**ПОИСК ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА**

Ростов-на-Дону

2016

УДК 316.42

ББК 60.59

П63

Рецензенты:

В.В. Вольчик, доктор экономических наук, профессор

Южного федерального университета

Г.С. Денисова, доктор социологических наук, профессор

Южного федерального университета

Авторский коллектив:

Ангел О.Ю., Бреславский А.С., Гугуева Д.А., Дончевский Г.Н.,

Ермишина А.В., Ефимов В.Ф., Ефимова Е.А., Клименко Л.В.,

Махрова А.Г., Морев К.Ю., Нехамкин В.А., Никольский Е.В.,

Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Фарков А.Г.

П63

Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства [Текст] :
/ Отв. ред. А.В. Ермишина, Л.В. Клименко. – Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2016. - 294 с. – 550 экз.

ISBN 978-5-9909464-9-1

В книге представлен междисциплинарный анализ различных проявлений постурбанистических процессов в современном обществе, научное осмысление широкого круга вопросов: социально-экономических и культурных эффектов и последствий урбанизации, особенностей и перспектив рурализации, обратной миграции, поиска новых негородских способов жизнеустройства, дауншифтинга и апшифтинга, роли современных технологий в этих процессах. Особое место отводится исследованию ценностных оснований постурбанизации, которые во многом проистекают и поддерживаются пространством современного города.

Книга представляет интерес для широкого круга исследователей, в частности, социологов, экономистов, психологов, философов, культурологов, политологов, географов, акцентируя внимание научной общественности на новом кластере исследований.

Публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ» (№ 15-02-00444/15)

УДК 316.42

ББК 60.59

ISBN 978-5-9909464-9-1

© Коллектив авторов, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	10
Preface	12
Концептуальное осмысление урбанизации, антиурбанизма и постурбанизации	13
«Воздух города делает человека свободным...» <i>Г.Н. Дончевский</i>	14
Антиурбанизм в современном обществе: причины, тенденции, перспективы <i>В.А. Нехамкин</i>	29
Ценности экологического сознания <i>К.Ю. Морев</i>	43
Новый способ жизни после мегаполисов <i>Ю.М. Плюснин</i>	52
Постурбанистические формы жизнеустройства: поиск теоретической модели <i>Г.Н. Дончевский</i>	77
Междисциплинарный анализ постурбанистических моделей жизнеустройства	91
«Умный город» как современная концепция урбанизации: зарубежный опыт и российская практика <i>Е.А. Ефимова</i>	92
«Потребление» городского пространства. Урбанистика как современный тренд взаимодействия горожан <i>Д.А. Гугуева, О.Ю. Ангел</i>	104
После урбанизации... снова урбанизация? Пригородный рост российских городов <i>А.С. Бреславский</i>	112

Трансформация форм возвратной мобильности населения как отражение суб- и постсубурбанизационных стадий развития Московской агломерации <i>А.Г. Махрова</i>	134
Потенциал рурализации в России: возможности и приоритеты <i>А.Г. Фарков</i>	154
Дауншифтинг и апшифтинг в современной сельской России: истоки, причины, сложности и перспективы <i>Е.В. Никольский, В.Ф. Ефимов</i>	165
Попытки институционализации поселений родовых поместий в России <i>А.А. Позаненко</i>	183
Постурбанистические формы жизнеустройства как фактор развития неурбанизированных территорий России <i>Г.Н. Дончевский, Л.В. Клименко, А.В. Ермишина</i>	193
Эмпирические исследования градо-сельской миграции за рубежом (рефераты статей)	201
Экономические факторы и фактор качества жизни в градо-сельской миграции <i>А.С. Вильямс, П.С. Джобс</i>	202
Миграция из городов в сельскую местность Франции: профили социальной дифференциации и территориальной сегрегации <i>Я. Сенсебе, Д. Лепусие</i>	206
Общее и особенное градо-сельской миграции в Израиле <i>У. Ребант, Д.Л. Браун</i>	215
Градо-сельские отношения в новом веке: обоснование и развитие логики взаимопроникновения <i>Э. Конас</i>	234

Перспективы исследований современных негородских моделей жизнеустройства: экспертное мнение	237
Исследование возможности перенаправления миграционных потоков в сельскую местность представляет общественно-политическую важность	
<i>Интервью с Барсуковой С.Ю.</i>	238
Необходимость удержания российских территорий создает запрос на исследования новых негородских форм жизнеустройства	
<i>Интервью с И.В. Задориным</i>	245
Градо-сельская миграция в России: эскейп или поиск нового качества жизни	
<i>Интервью с Д.В. Мальцевой</i>	254
Сведения об авторах	276
Authors	278
Литература	279

НЕОБХОДИМОСТЬ УДЕРЖАНИЯ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СОЗДАЕТ ЗАПРОС НА ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЫХ НЕГОРОДСКИХ ФОРМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

ИНТЕРВЬЮ И.В. ЗАДОРИНЫМ

Игорь Вениаминович Задорин, руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН, руководитель проектов «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения» (2012)²⁸⁰, «Потенциал переселения из города в село: стимулы и барьеры на пути внутренней миграции» (2014)²⁸¹, далее – Респондент (Р.)

Анна Вениаминовна Ермишина, член научного коллектива проекта «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, № 15-02-00444/15), далее - Интервьюер (И.)

И.: Насколько Вам кажется перспективной с точки зрения теории гипотеза о том, что урбанизация рано или поздно сменится противоположной тенденцией, и люди будут уезжать из городов?

Р.: *Здесь есть два тренда, которые, как мне кажется, должны позволить оценить эти перспективы как действительно реальные. Тренд первый - появились новые технологии жизнеобеспечения, которых раньше не было, и которые сделали возможным то, что можно было бы назвать индивидуальным жильем, но с должным качеством, должными свойствами этого самого жилья. Усиление городов и концентрация населения в этих городах-мегаполисах были связаны именно с более высоким качеством жилья, ну и, соответственно, условий работы, то есть условий реализации личности, которые, таким образом, сконцентрировали поток из сел в города в свое время. Но, по крайней мере, первый фактор -*

²⁸⁰ Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования (2012). – ЦИРКОН www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf

²⁸¹ Потенциал организованной внутренней миграции «город-село» в России. Стимулы и барьеры к коллективному переселению граждан на пустующие территории. Итоговый аналитический отчет по результатам исследования (2015). - ЦИРКОН www.zircon.ru/upload/iblock/b71/Migraciya_gorod-selo_Presentaciya_osnovnih_resultatov_issledovaniya.pdf

качество жилья - снят, сейчас технологии позволяют обеспечивать качество жилья и вне города. Это не означает, что устранение этого фактора будет достаточно для того, чтобы повернуть поток обратно из города в село, но, по крайней мере, в некотором смысле, может способствовать. Появилось много проектов таких небольших поселений, которые фактически представляют из себя гибридное поселение, в том смысле, что оно вроде бы в сельской местности, но реально, - это совершенно городское качество жилья по характеристикам, эти проекты довольно активно сейчас продвигаются. Это раз.

Вторая тенденция – внешняя. В известной степени в России есть серьезная потребность поворота этого потока из города. В свое время, когда я для себя и в рамках некоторых выступлений пытался найти самые главные три цели развития России на ближайшее время или три самых главных вызова, проблемы, у меня сформулировался такой вызов как «удержание территории». То есть, по большому счету, для России сейчас это - самое важное, на протяжении последних лет это самое важное. В этом тезисе, в удержании территории, сконцентрировано все: и безопасность, и удержание ресурсов, которыми Россия богата, и т.д. По большому счету вся госполитика последних лет, в известной степени, ориентирована на то, что удержание территории – это самый главный приоритет. Это удержание территории невозможно, если, фактически по границам мы выдерживаем, но реально внутри этой границы территорию обезлюдиваем, опустыниваем, теряем фактически. Если там никто не живет, то, во-первых, она становится необоснованно занимаемой. И второе, она теряет человеческую заинтересованность, то есть заинтересованность человека, живущего на этой земле. Поэтому, по большому счету, государство, как мне кажется, должно было бы озаботиться тем, чтобы повернуть этот самый демографический поток из крупных городов в малые города и села именно для того, чтобы сделать расселение в стране более равномерным. У нас одна из самых главных проблем - это категорическая недонаселенность очень многих районов.

И вот если мы свяжем эти два фактора - государственный запрос, государственную стратегическую цель - удержание территории и более оптимальное расселение людей, с тем, что теперь появились еще и технологии, которые позволяют жить в селе, и при этом совсем необязательно заниматься самообеспечением и сельскохозяйственным трудом, а в принципе, наоборот, можно хайтек какой-то развивать и т.д., то мне кажется, что такие перспективы есть, конечно.

Хотя, естественно, многие действия, которые осуществляет государство, противоречат этому. Понятно, что у нас есть борьба интересов. Я в свое время столкнулся с одним из лидеров либерального направления, не буду называть фамилию, он довольно известный человек, эксперт, занимал посты в Правительстве в свое время в девяностых годах, и вот мы с ним столкнулись как-то в «предбаннике» радиостанции. Перед выступлением пили чай, и он говорит: «А я сейчас консультировал одного губернатора области соседней, и я ему сразу сказал, зачем тебе вообще такая территория – зачем ее развивать и так далее, - ты сконцентрируйся вдоль железной дороги, которая от Москвы идет, плюс - минус 30 километров, все остальное брось, все равно не потянуть». Вот эта позиция – почти людоедская. Почему? Потому что принимаются решения, которые концентрируют население в определенных точках и фактически опустынивают остальную территорию. А что такое решение по Новой Москве? Это ровно то же самое. То есть мы все время говорим о том, что Москва оттягивает человеческие ресурсы со всей страны, и это - проблема для страны. Так вместо того, чтобы эту проблему решать, мы увеличиваем мощность этого насоса еще в три раза. Просто будет еще быстрее, еще больше качать.

Отвечая на Ваш вопрос, есть ли перспективы у этого тренда, скажу - есть основания для того, чтобы какие-то люди поехали, но, конечно, многие действия из тех, которые на уровне государства происходят, не способствуют этому. Поэтому, какова будет реальная суперпозиция этих разнонаправленных векторов, мне трудно сказать.

И.: Возможен ли новый технологический уклад, если будут технологии не только жилищного жизнеобеспечения, а вообще новые технологии деятельности?

Р.: *Безусловно. И социальные технологии, прежде всего. У меня самая первая, можно сказать юношеская работа была в 1989 г., когда только-только в аспирантуру поступил, под названием «Молодежные производственно-жилищные комплексы: новые перспективы градостроительной практики»²⁸². И фактически тезисы заключались в следующем, что в свое время человек жил там же, где и работал, но потом, техноло-*

²⁸² Задорин И.В. (1989) Молодежные производственно-жилищные комплексы: новые перспективы градостроительной практики в Сб. Актуальные вопросы теории и практики социологии. Материалы 1-й городской конференции аспирантов-социологов. Часть 2. - Москва, Институт социологии АН СССР, апрель. С. 71-72
<http://www.zircon.ru/publications/publitsistika/intelpolis-tezisy-1988-89-gg/>

гии и технологический уклад развивались так, что у человека развели место жилья и место работы. Он в одном месте с одними людьми жил, а с другими и в другом месте - работал. Фабрики и заводы, конечно, были принципиально отделены от того места, где жили работники, в этом смысле эти сферы жизни были разделены. Но нынешние технологии как раз позволяют опять вернуться к тому первоначальному совсем древнему укладу, когда человек живет там, где работает, и главное с теми же людьми, с кем и работает. То есть, в этом смысле будут создаваться некоторые новые общности. И в принципе довольно много обсуждается таких полуутопических проектов некоторых новых поселений, альтернативных, где вот эта самая человеческая общность и сотрудничество, совместное проживание и работа - это и есть самая главная ценность. То есть, по большому счету, если мы возьмем все эти замечательные поселения, которые у нас сейчас существуют, часть родовых поместий и т.д. - они все так и строятся. Они все строятся на том, что «я не просто один поеду, сделав хутор, а я именно в таком коллективе единомышленников». Все поселенцы говорят, что самая главная ценность экопоселения - это не собственно экологические дома, а это социальная среда, то есть среда единомышленников, таких же людей как они, которые так же думают и те же самые ценности исповедуют. В этом смысле, конечно, новые технологии позволяют это реализовать, тут есть перспектива.

И.: А вот если мы про структуру постурбанистической миграции говорим, про соотношение дауншифтеров, беглецов из города, и апшифтеров. Каковы Ваши экспертные оценки здесь?

Р.: Пока я думаю, что, конечно, больше бегут, чем уезжают с некоторым позитивным конструктивным проектом. Когда я беседовал со многими экопоселенцами о главном мотиве, они в первую очередь говорят про отрицательные мотивы. «Мы убежали из этого загрязненного пространства, мы убежали из этого замусоренного телевизионным бредом... Мы выкинули все телевизоры. Мы теперь дышим свежим воздухом. Но не потому, что это хорошо. Потому что это лучше чем... Мы из города убежали, потому что там нельзя было дышать. Мы воспитываем детей не в этих коробках железобетонных, а на природе». Но в некотором роде, это не позитивный проект, то есть у очень малого количества людей есть четкий свой образ действительно новой жизни, какой они хотят. Но совершенно ясно, чего они не хотят. И поэтому это, в основном, все-таки убежание. Но некоторые продвигаются дальше, они уже

имеют действительно свой собственный проект, который это новое качество жизни как-то воплощает.

И.: Вот тут, наверное, будет интересно наблюдать эволюцию этих людей – какие они были в момент ухода, а потом они дошли до конструктивизма, или они поняли, что там тоже все плохо...?

Р.: *А вот в том-то и дело. Это очень интересно. Смотрите, если наблюдать, например, за «Ковчегом», первым экопоселением, там вот уже жизненный цикл прошел довольно далеко, и они уже столкнулись с некоторыми проблемами, потому что, когда они уезжали туда, они уезжали с малыми детьми, которые...*

И.: Не принимали никаких решений?

Р.: *Нет, дело не в том, что они сами не принимали решений, а в том, что они их в семье могли полностью социализировать, обучать, обеспечивать медициной. Но вот они выросли, их надо в школу, в какие-то учреждения, нужны соответствующие механизмы: кто-то в секцию хочет ходить, кто-то еще что-то. А это собственное поселение не предоставляет. Потом – дальше, в институт надо поступать, а если еще какие-то интересы... И вот тут они сталкиваются с тем, что не все из их детей ту же самую идеологию, например, исповедуют. Поэтому, конечно, я допускаю вполне, что некоторые такие поселения будут умирать по разным причинам. Носители первоначального импульса - они будут уходить. И, соответственно, дальше потенциал воспроизводства не бог весть какой. Это, кстати, мы не только по экопоселениям видим. Мы это знаем по атомным городам, которые в свое время были построены тоже как такие «центры будущего». Там интеллектуалы селились, они жили как раз вот в этой совершенно замечательной и комфортной социальной среде, они там работали вместе. Высокоинтеллектуальный труд, реализация – все было. А дети выросли, и у них другие интересы, а территория замкнутая. Все. И там возникает кризис. Кризис воспроизводства идеологии, передачи ценностей и т.д. И здесь тоже с такими альтернативными поселениями такое может быть. Это одна из самых главных проблем. То есть проблема воспроизводства культуры «альтернативного поселения».*

И.: Да, нам одна респондентка рассказывала, что она разошлась с мужем и переехала в экопоселение с детьми. А её старшая дочь, когда достигла пятнадцати лет, уехала к папе.

Р.: Да, вот и все.

И.: Говорит: «Скучно».

Р.: Это одна из главных таких проблем. Но тут ведь какая ситуация, это означает, что они должны сменить свой социальный формат. Пока это социальный формат коммуны. То есть люди, которые связаны какой-то общностью, они закрытые довольно. Не случайно эти родовые поместья многие называют «сектами». Они закрытые в плане принятия в себя новых людей. У них все-таки есть дистанция определенная, они проверяют, берут не каждого. Они должны понять, что если они хотят выживать, они должны становиться более открытыми для новой «свежей крови». Пусть даже немножечко отличающейся, может быть даже немножко изменяющей их собственную природу, идеологию и т.д. То есть, приходящий новый человек не должен полностью соответствовать канонам, а как раз он должен, может быть, даже, наоборот, чуть-чуть отличаться, чтобы давать некоторый импульс к развитию и позволять поселениям включать в себя новых людей. Дети уехали, но зато появились другие люди совсем, другие семьи с малыми детьми, которые, может быть, чуть-чуть отличаются, но они дают жизнь всему поселению. Вот такого рода механизмы и такого рода социальные технологии - это конечно очень важная задача, в некотором смысле такой вызов интеллектуальный, то есть создание социальных технологий. Кстати, как раз про это тоже разговор во всех этих исследованиях идет, потому что очень многие поселения фактически рождаются стихийно. Это такой скорее эмоциональный порыв очень многих, но каждый раз это такой уникальный опыт преодоления трудностей и, соответственно, выживания. А он, к сожалению, не переводится в технологии. В чем перевод в технологии? Когда опыт отчуждается от автора и становится возможным для тиражирования. Вот пока наши альтернативные поселения еще не перешли в стадию перевода своего уникального опыта в тиражируемые социальные технологии, когда кто-нибудь из желающих такое сделать, взял бы, условно говоря, книжку, он бы знал, куда пойти, с кем посоветоваться, какие нюансы учитывать, и - вперед к реализации. Вот этого нет, конечно.

И.: Но они уже стараются это делать.

Р.: Уже стараются.

И.: Вот, например, они говорят: «Я знаю, как обустроить дом. Если кто-то хочет, я могу рассказать, сколько денег надо, какие технологии, что первое, что второе».

Р.: Это правда – но по отдельным вещам, я подчеркиваю: дом – да, печки – да, энергетика, все, что угодно. Но я говорю про социальные тех-

нологии, то есть технологии общежития. Самоуправление, решение социальных проблем, связанных с воспитанием, со здравоохранением - вот эти вещи пока для всех уникальны. В том-то и дело, что они как раз могут легко рассказать, как дом построить, как огород выращивать, пермакультура, органическое земледелие, они с удовольствием об этом рассказывают. А вот обустроить жизнь социальную – нет. Это еще пока слабо рефлексировано.

И.: Они сами нащупывают.

Р.: Они сами нащупывают, стихийно.

И.: Да, вот они и приходят к тому, нужны эти жесткие ограничения или не нужны.

Р.: Наверное, да.

И.: Позвольте вопрос по методам исследования. Мы используем глубинные интервью и невключенное наблюдение, насколько возможно. Какие методы эффективнее здесь использовать, насколько здесь эти методы исследования работают на Ваш взгляд?

Р.: Я пришел к выводу, что никакие интервью ничего особенного не дают... Не то, что... Они много дают. Но в данном случае здесь, конечно, нужен мультиметодический подход, комбинированные методы. Фактически нужны довольно длительные как включенные, так и невключенные сторонние наблюдения. Потом, очень мало, к сожалению, используется - и, в общем, по понятной причине - то, что называется «анализ документов».

И.: А каких документов?

Р.: Потому что документов, вроде бы, нет. Но, на самом деле, это не совсем так, потому что в этих экопоселениях есть то, что называется какие-нибудь протоколы собраний. Если посмотреть протоколы собраний того же самого «Ковчега» за 15 лет, то мы снимем очень многое, реальное возникновение проблем, которые обсуждались, как они решались, какие решения принимались и т.д. И это история не пересказанная, а история - зафиксированная прямо тогда же. Вот нам этого точно очень не хватило, и, строго говоря, мы поняли это чуть позже, чем проводили исследование. Через год, когда я организовывал экспедицию по старообрядческим общинам (это совсем другое), мы там с самого начала уже планировали, что будем стараться смотреть протоколы собраний общин. Хотя это не сильно получилось, не давали, но, по крайней мере, была попытка обратиться к документам, хотя бы, а сколько членов зарегистрировано. И здесь, конечно, для исследования этих поселений, без-

условно, это тоже необходимо. То есть, я бы так сказал, что по большому счету нужна такая триангуляция методическая: интервью, наблюдение и анализ документов максимально.

И.: А насколько целесообразно беседовать с органами власти, на территории которых эти поселения существуют?

Р.: *Целесообразно. Мы поняли это на тех же самых общинах. Мы приехали изучать общины, и в рамках программы исследований была задача беседовать только с самими членами общины. Но уже с пол оборота мы поняли, что на самом деле надо беседовать, конечно, и со сторонними людьми, то есть с теми, которые не входят в общины, т.к. они дают сторонний взгляд на эту общину. В отдельных случаях они дают очень важные сигналы к пониманию того, как эти общины живут. Поэтому и для изучения экопоселений, и для всех альтернативных поселений, безусловно, любые эксперты, которые могут высказать какую-то точку зрения относительно этого поселения со стороны, не будучи включенными туда, очень ценны. Это может быть власть, какие-то бизнесмены, которые, условно говоря, завозят туда продукты. Это могут быть просто соседние села, в которые они приходят, общаются и т.д. Это обязательно тоже. По методам - это тоже интервью, конечно. В этом смысле не меняется метод, но происходит расширение объекта. Объект исследований, безусловно, должен включать в себя не только поселения, но и контекст.*

Еще одно дополнение по сбору данных. Я теперь совершенно точно бы взял по возможности интервью и у тех людей, которые являлись в свое время участниками принятия решения об отъезде. То есть родственники, которые остались в городе. Потому что сегодняшний поселенец - как любой эмигрант. Вы возьмите интервью у эмигранта, он скажет, что все хорошо. Потому, что даже если плохо, он будет уходить от переживания собственной психологической травмы от эмиграции. Он уехал, он, может быть, уже жалеет об этом, но он не может признаться в собственной ошибке, что он уехал. Он будет отстаивать, он будет сам себя убеждать специальным образом, что все сделано правильно, это единственно возможное решение было и т.д. Но тот человек, который для него является доверительным референтом, он, по крайней мере, знает, как принималось это решение, он может в известной степени и знать про реальность ощущений того человека, который уехал в поселение. Это ценный информант.

И.: И еще, мне кажется, те, кто приехали и уехали оттуда.

Р.: *Неудачный опыт тоже важен.*

И.: Неудачный опыт. А почему? Поселенцы говорят о таких: «Вот купили, построили и не живут, или не построили». Почему не получилось у людей? Другое дело – их очень сложно найти.

Р.: *Если сами поселенцы знают, что человек уехал.*

И.: Только да, по контактам, если они доступны. Только так.

Ваше исследование потенциала переселения из городской местности на всероссийской выборке 1600 человек мне кажется, очень важным, необходимо его в динамике проводить, как мониторинг. Может быть, в какие-то другие всероссийские опросы включать соответствующие вопросы?

Р.: *Согласен с Вами.*

И.: И смотреть, растут эти 3% желающих переехать из города или не растут?

Р.: *Согласен, это было бы, конечно, здорово.*

И.: Хорошо бы было вообще сделать международное исследование, чтобы сравнивать по странам. Не знаете, нет таких опросов?

Р.: *Не знаю. И думаю, что очень трудно будет сопоставить результаты, сделать действительно корректное сопоставление. Потому что понимание переезда из города в село в разных странах очень разное. Вообще сам феномен «дачи», например, российский, поэтому для других стран непонятный. Если делать международное сопоставление, нужна общая платформа.*

И.: А вы планируете мониторинг хотя бы?

Р.: *Не планировали. Хотя, сама тема любопытная. И, конечно, мы думаем, как её продолжить. Но мы в большей степени были ориентированы на исследование отдельных сюжетов.*

И.: Спасибо большое!

ГРАДО-СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ЭСКЕЙП ИЛИ ПОИСК НОВОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

ИНТЕРВЬЮ С Д.В. МАЛЬЦЕВОЙ

Дарья Васильевна Мальцева, социолог Исследовательской группы ЦИРКОН, участник проектов «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения» (2012)²⁸³, «Потенциал переселения из города в село: стимулы и барьеры на пути внутренней миграции» (2014)²⁸⁴, далее – Респондент (Р.)

Анна Вениаминовна Ермишина, член научного коллектива проекта «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, № 15-02-00444/15), далее - Интервьюер (И.)

И.: Спасибо, Дарья Васильевна, что согласились дать нам интервью в связи с нашим проектом по постурбанизации. ЦИРКОН проводил два интересных проекта, связанных с близкой темой, в 2012 г. и в 2014-2015 гг., так? Расскажите нам, пожалуйста, про ваши проекты.

Р.: *Первый проект, с которого я начну, это проект изучения экопоселений. Он у нас проводился в 2012 г.. Это был наш инициативный проект, мы получили президентский грант от Института общественного проектирования. И как-то он у нас возник достаточно внезапно, потому что такая тематика новая. Но мы позиционируем себя как компания, которая изучает социальные инновации, в какой-то момент мы увидели, что вот такое движение, оно может быть социальной инновацией тоже.*

И.: То есть, вы были инициаторами этого проекта?

Р.: *Да, мы были инициаторами.*

И.: Это была ваша идея или она также возникла с участием каких-либо некоммерческих организаций или движения экопоселений?

²⁸³ Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования (2012). – ЦИРКОН

²⁸⁴ Потенциал организованной внутренней миграции «город-село» в России. Стимулы и барьеры к коллективному переселению граждан на пустующие территории. Итоговый аналитический отчет по результатам исследования. (2015). – ЦИРКОН

Р.: У Игоря Вениаминовича Задорина, руководителя Группы ЦИРКОН, была коммуникация с одним из активных «двигателей» этого процесса, Александром Николаевичем Метёлкиным. Написали заявку, получили грант, и стали работать над этим проектом. Как вчера Игорь Вениаминович на конференции сказал, изначально мы называли проект изучением внутренней эмиграции. Мы считали, что движение из городов в сельскую местность - это такой дауншифтинг, причем это такая внутренняя миграция, когда человек бежит из города, когда он не хочет больше продолжать оставаться в городе, он закрывается. Это такой эскейп, эскапизм. Но в процессе того, как мы начали изучать этих людей, начали с ними общаться, мы поняли, что это другое какое-то явление. Даже нам пришлось потом менять название проекта, когда мы его сдавали, мы просто уже называли его «Мотивы переселения», мы отказались от понимания того, что это эскапизм.

Проект был очень интересный. Мы начали с того, что пытались вообще просто изучить это явление - что такое экопоселение, какие есть типы экопоселений. Поняли, что есть большое количество. В наше понимание экопоселений стало входить как собственно экопоселение, то, что на Западе называется экопоселениями, так и наше российское явление - это родовые поместья. Плюс еще такие поселения типа социально-инженерных проектов, когда осуществляется не уход на землю и обработка земли плугом, а как раз применение новых технологий для того, чтоб эффективно существовать, но вне города. Вот такие мы типы видели и попытались составить базу экопоселений. Этим как раз непосредственно я занималась, мы перешерстили очень большое количество источников в интернете - есть такие сайты, где фиксируются экопоселения.

И.: Есть карта даже, по-моему, российская карта экопоселений.

Р.: Мы разные сайты смотрели, из них переносили информацию о том, в каком регионе находится экопоселение, собирали информацию по количеству домов, площади, которую занимает экопоселение, фиксировали, в какой собственности земля, какова форма существования самого поселения (они могут быть разные). Ну, и собирали различные контакты представителей этих экопоселений, и потом мы с ними пытались связаться. У нас получилось 62 экопоселения, можно посмотреть, у нас отчет вывешен. Во-первых, мы определили по регионам, где, сколько экопоселений. Интересно, помимо того, что достаточно много поселений ока-

залось в южных регионах, что ожидаемо, много их оказалось и в Центральном регионе, на Урале, в Сибири.

И.: Наши респонденты в Краснодарском крае говорят: «Да тут же рай на Земле! Столько фруктов, солнца!». Тем более люди из северных районов, Мурманск и Петербург. Естественно места очень им понравились. Они в Краснодарский край из-за климата и приехали. Но есть и северные поселения.

Р.: *Есть и северные, да. Но есть и вот эти поселения родовых поместий, это вообще отдельное направление.*

И.: У нас были респонденты из Ростовской области, там родовое поместье «Росток», и вот они тоже много рассказывали про закон, который они продвигают сейчас, чтоб его приняли.

Р.: *Даже уже сейчас на Дальнем Востоке принят закон про гектар.*

И.: Но это про гектар. Это не совсем про родовое поместье. В проекте закона оговаривается еще особая форма передачи земли - только по наследству, продать нельзя. Вот такие особенности.

Р.: *Да. В общем, эта база у нас выступила основой для формирования дальнейшей выборки качественного исследования. Мы связывались с представителями экопоселений, и потом проводили серию интервью с ними. И, одновременно, у нас еще была идея провести невключенное наблюдение в экопоселениях. И мы тоже пытались выбрать разные места, чтобы поселения были разные по типу. Я ездила в экопоселение «Славное», это Тульская область, жила там в доме неделю, помогала убирать сено. В общем, это было на самом деле включенно довольно. Понятно, что все знали, что я исследователь, я брала интервью, проводила стандартные процедуры.*

И.: Недели было достаточно, чтобы погрузиться в жизнь экопоселенца?

Р.: *Мне кажется, что да. Там очень богатые выводы были. Моя коллега ездила в другое экопоселение – Милёнки в Калужской области, - и с другого ракурса посмотрела на это. Потом еще моя подруга там оказалась. Поскольку мы, всё-таки, закрепили отношения с теми экопоселенцами, у которых я была, она оказалась тоже там волонтером, и она тоже нам добавила информации. Потому что, всё-таки, при ней уже может чуть-чуть снизился градус того, что тут исследователи, себя каким-то образом надо вести. Какие-то дополнительные детали, всё-таки, мы отметили для себя. Помимо этого, я еще ездила в качестве такого разведывательного пилотажного исследования на фестиваль в по-*

селение Родное во Владимирской области. Там у них 5 поселений рядом. Как раз где-то там находится домик у Владимира Мегре. Там собралось очень много народа, а я туда поехала как участник.

И.: И Вы жили тоже в тех поселениях, которые по книжкам Мегре все это устраивали, «Анастасия»?

Р.: *На этом собрании я жила в доме, который в качестве школы у них используется. Это было летом. Я там тоже нашла несколько людей, поговорила с ними, провела несколько интервью, договорилась на будущие беседы. Там мы как раз встретились с основателем «Ковчега», он умер в прошлом году. Также взяла у него интервью. В общем, как-то постепенно стало накапливаться количество знакомых людей, они кого-то рекомендовали, к кому можно обратиться. В итоге мы взяли 15 интервью с представителями экоселений. Потом мы еще проводили онлайн фокус-группы и экспертные сессии с представителями экоселений.*

И.: Расскажите, пожалуйста, про онлайн фокус-группы.

Р.: *Это у нас есть такой формат, который мы любим. Мы заводим людей на какую-то площадку в интернете, в Google Groups или социальную сеть. Задаем вопросы раз в день, люди отвечают, друг друга комментируют, мы их комментируем. Кстати, в исследовании экоселений мы не смогли получить ответы на некоторые вопросы. Там ведь как – некоторые экоселенцы хорошо с компьютером и с Интернетом «общаются», а некоторые нет. Исследование проводилось летом – а это как раз посевная и сборочная пора, естественно, мы не смогли всех респондентов максимально вовлечь. То есть оказалось все довольно непросто, мы поняли, что есть порог недостижимости, потому что лето и потому что компьютер. Поэтому я внедрилась еще в несколько Skype-групп, которые экоселенцы ведут как раз-таки довольно активно. Skype-группа - это большой-большой чат, люди там общаются на очень разные темы. Я не знаю, насколько это удобно, но почему-то у них вот такая форма коммуникации развита. В общем, там я тоже пыталась внедриться со своими вопросами, тоже что-то получила.*

И.: Эти методы как-то описаны, они дают результат? Потому что я, четко говоря, в первый раз слышу, что таким образом можно собирать данные. Или это дополнительные методы?

Р.: *Онлайн фокус-группа была запланирована – такой же качественный метод как обычная фокус-группа. Сейчас это довольно распространенный способ сбора данных.*

И.: Хорошо, а что по поводу экспертных сессий? Это Вы к ним ездили?

Р.: *Ездил Игорь Вениаминович на какую-то из их встреч, в поселение Благодать, там была экспертная сессия, можно сказать, массовая фокус-группа. А потом мы здесь уже в Высшей школе экономики и в Общественной Палате собирали представителей и презентовали результаты исследования. Надо сказать, что для нас довольно интересно было в этом проекте то, что наша исследовательская деятельность перешла в какую-то практическую плоскость, потому что в результате нашего исследования, представители экопоселений сами стали, так сказать, рефлексировать по поводу своего существования, своего будущего, стали вести деятельность по объединению и по попыткам обсуждения каких-то вопросов, которые являются для них важными. Если до этого на фестивалях похожие экопоселения объединялись с похожими, то тут появилась возможность для коммуникации между разными поселениями - кто-то из родовых поместий, а кто-то из типичных экопоселений. И вот они встретились на одной площадке, стали обсуждать какие-то вопросы. И после этого - что на самом деле для нас было удивительно - они стали время от времени собираться. Получается, что в Общественной Палате было проведено, наверное, пару таких собраний, потом была конференция в МГУ, они тоже там встречались, и я сейчас вижу, просто мы сейчас уже на все их мероприятия не ходим, но по письмам я вижу, что периодически бывают какие-то обсуждения, встречи. То есть, мы, как будто бы, способствовали консолидации объекта исследования, что вообще очень удивительно.*

И.: Южные поселения, с которыми мы беседовали, тоже проводят фестивали, знают друг друга, пытаются объединяться как-то. Но чтоб это была деятельность, выходящая за рамки общения, - такого я не видела пока; кроме продвижения закона о родовых поместьях, где они конечно письма общие пишут. Одна из задач нашего проекта - выявление характера взаимодействия поселений с городом и властью. Вы про это спрашивали?

Р.: *Спрашивали. Но я сейчас Вам, наверное, про второе исследование расскажу, чтоб мы по логике, а потом тогда уже про этот вопрос, хорошо? Второе исследование про миграцию из города в село мы проводили вместе с «Зеленой лигой», это тоже был инициативный проект и тоже грант президентский. И там у нас была идея измерять потенциал того, какое количество жителей города готовы переехать в село. Там тоже у*

нас была комплексная процедура.захотелось вообще понять, насколько это явление распространено в широком масштабе. Действительно, если мы под микроскопом сморим на 62 экопоселения – то это одно дело, но, конечно, интересно было посмотреть, насколько вообще такие настроения у жителей России распространены. Мы сначала проводили онлайн фокус-группы с людьми, которые потенциально готовы переехать, уже думают о переезде или уже переехали. Сначала претенденты заполняли анкеты, а потом мы по анкетам отбирали людей, которые в результате зашли на онлайн-площадку – кажется, их было около 25 человек. Фокус-группу мы вели довольно долго, около двух недель. В рамках нее мы выделили причины того, почему люди могут не хотеть уезжать из города, и почему могут хотеть переехать в село. То есть это мотивы-барьеры и мотивы-стимулы. Потом мы эту информацию использовали для формирования анкет массового опроса.

И.: Но вы формировали фокус-группы из тех, кто участвовал прошлом исследовании, или это были вообще новые люди?

Р.: Новые люди, да. Мы как раз экспертов не брали. Тех, кто участвовал в первом проекте, мы все-таки считаем экспертами, потому что это руководители экопоселений, знаковые люди в этой области – например, представляют глобальную сеть экопоселений GEN в России. Мы их не брали, хотя они просились. Но мы хотели не спугнуть обычных людей, которые просто переезжают или хотят переехать, чтобы их не задавили экспертностью. У нас еще проводилась экспертная группа оффлайн, где мы как раз с экспертами и встретились, и где обсуждались вопросы, по каким причинам люди могут хотеть уехать или остаться. Потом из этих двух качественных процедур мы составили анкету для всероссийского репрезентативного массового опроса, который был проведен в рамках нашего омнибуса «КВАРТА». У нас был вариант анкеты для горожан и для селян, благодаря чему мы перекрестно посмотрели, что думают горожане и что думают селяне. Селян получилось около 400 - это в принципе хорошие цифры, чтобы распределение смотреть.

И.: Конечно, из 1600 респондентов 400 респондентов-селян.

Р.: Вот, в общем, наверное, так, такая история по проектам.

И.: Нам, конечно, очень интересно посмотреть со своего ракурса. У нас немножко другой заход. Нас не просто интересуют те люди, а именно те, которые уехали и пользуются новыми передовыми городскими технологиями. То есть они городские технологии вместе с собой увозят из города, освобождаясь от того, что им мешает жить в городе.

Р.: *Это как раз третья группа экопоселений, которую мы выделяли - в которые люди переезжают и используют новые технологии при этом. Вернее, их четыре было - еще религиозные.*

И.: Как раз вот они нас и интересуют. У вас, может быть, есть контакты какие-то? Или хотя бы названия?

Р.: *Ну вот, например, Ирина Галанова, она занимается как раз продвижением идеи того, что можно уехать за город и там ходить в шляпке. То есть, необязательно, уезжая за город, отказываться от жизни, которую люди ведут в городе, т.е. это как раз идея того, что в экопоселения надо привлекать новые технологии. У них есть группа в Facebook.*

И.: Группа Александра Метелкина как раз за возвращение из города в село, но и при этом за возрождение сельского хозяйства. Это немножко не то, что нам было бы интересно. Потому что сама идея проекта – постурбанизация. То есть, как люди смогут преодолеть ограниченность города. Она возникла, почему, эта ограниченность? Потому что надо было работать на фабриках, заводах, и, значит, людям надо было жить рядом, чтобы все вместе это делать. А теперь, когда такой необходимости нет, наверное, есть какие-то тенденции по расселению, по заполнению этой территории. И вот как раз здесь было бы интересно посмотреть не через сельское хозяйство, а через какие-то более свободные, другие формы жизнедеятельности этих людей. Но, конечно, в нашем проекте есть разные блоки. Сама эта идея, что постурбанизация придет на смену урбанизации - это один блок, который надо рассматривать, доказывать на уровне, может быть, теоретических аргументов.

Р.: *В исследовании 2012 г. есть представление экопоселенцев о будущем. Это были самые последние вопросы в анкете, то есть, это где-то в конце отчета должно быть. Некоторые говорят о том, что скоро будет рай на Земле, везде будут экопоселения, люди будут жить счастливо, вот такие очень «розовые». А некоторые говорят, что сейчас все развалится, все будет очень плохо, и если люди хотят спастись, они могут попытаться сделать это в экопоселениях.*

И.: Мы спрашивали в интервью: «Найдутся ли у вас последователи, как вы думаете, многие ли приемлют такую жизнедеятельность?» Они говорят, что нет. «Да, есть люди, которые восхищаются нами, но у них очень много ограничений, и они не совсем готовы».

Р.: *Вы знаете, вопрос этот очень интересен в плоскости того, как думают дети экопоселенцев, и как сами экопоселенцы думают о том, что будут делать их дети, когда подрастут. У нас первые экопоселения –*

это конец 80-х годов, это поселение «Нево-Эковиль» в Карелии, вот как раз «Ковчег» тоже был когда-то в 90-х основан. Люди уезжали туда молодыми, у них были маленькие дети, и как раз сейчас подрастает поколение, которое собственно должно показать, останется оно там или нет. А большинство экопоселений - это же волна вот этих «зеленых книжек» Мегре в 2000-е годы. То есть, пока, может быть, дети, они маленькие, они просто выбора не делают. Но через 10 лет, например, будет очень интересно, какой выбор они будут делать - останутся ли они там или предпочтут город.

И.: Но вот из тех, с кем мы беседовали, у них еще маленькие дети, и собственно, как Игорь Вениаминович говорил, дети – это один из центральных мотивов, дети должны расти в близости с природой. А вот что выберут дети? И более того, у наших респондентов этот вопрос вообще не решен. С одной стороны, они понимают, что детям надо учиться. И если начальное образование и даже среднее в «Ростоке» организовали, школу свою ...

Р.: *Они сами, да?*

И.: Сами. Потому что приехали в поселение люди с высшим образованием, даже английский язык могли преподавать. Теперь дети ездят в ближайшую сельскую школу, сдают экзамены, и сдают лучше, чем дети, которые учатся в сельской школе. А вот, что касается университетского, здесь они говорят: «Не знаем, придется, наверное, куда-то детей отправлять». Но вернутся ли они после этого?

Р.: *Это интересно. В перспективе интересная очень тема для изучения, на самом деле.*

И.: Наверное, потому что от этого на самом деле зависят перспективы урбанизации или постурбанизации.

Р.: *В наших экопоселениях нет еще смены поколений, поэтому непонятно, что будет. Может быть, это будут поколения, а может быть это будет так, что одни переехали, состарились, потом приехали другие, состарились. А их дети постоянно уезжают, а приезжают какие-то новые, другие. В общем, непонятно пока.*

И.: Да, пока непонятно, пожалуй. Но вот как они представляют всю эту деятельность и по поводу детей, у них очень свободное к этому отношение. Они говорят, что, конечно, хотелось бы, чтобы они остались, но если они уедут...

Р.: *У нас то же самое было, да.*

И.: Они более терпимы к выбору. То есть сами свободные люди, что хотели, то выбрали.

Р.: Ну да. Наши респонденты говорили: «У меня была возможность сравнить, а у него нет возможности сравнить, потому что он пока только поселение видел. Пусть он тогда сравнивает и выбирает». Это логично.

И.: У нас с Вами еще вопрос был про взаимоотношения с властью и с городом.

Р.: У нас этот вопрос в исследовании про экопоселения тоже рассматривался. Разные есть варианты того, что нам рассказывали. Есть, поселения, которые пытаются как-то взаимодействовать с городом, и в том числе с более широким кругом, в том числе с властью. А есть те, которые «закрываются». Рано или поздно у них все равно возникают вопросы с землей. Были экопоселения, которые просто взяли какое-то поле, поставили там домики, а потом оказывается, что, во-первых, это чья-то земля, во-вторых, туда не могут ничего провезти, никакого электричества или дороги, потому что там нет поселения - как власти могут это делать? Поэтому, они, постепенно, обжигаясь, начали взаимодействовать с властью. И есть примеры удачные, когда реально добились, например, «Ковчег» добился того, что их стали официально считать поселением. Есть люди, которые уезжают в деревни, но...

И.: Мы эти поселения тоже охватываем. Необязательно, чтобы они жили в экопоселении. Это просто люди, которые сменили городской образ жизни на негородской, даже не сельский, просто негородской образ жизни.

Р.: Здесь плюс, что там уже есть коммуникации, дороги – может, и не абы какие, но все равно они есть, в принципе. И тут важен вопрос того, как они взаимодействуют еще с местным населением. То есть это тоже важный фактор того, насколько люди смогут переехать в деревни.

И.: Да, у нас были респонденты, которые рассказали: «Да, мы хотели уехать, и мы купили в Алтайском крае участок, отстроили дом, и когда стали жить в этом селе, то оказалось, что у нас дети, а рядом - соседи режут поросят, эти поросята кричат. А другие соседи ругаются и пьяные ходят. И неприятно. Поэтому мы все это продали и специально ездили, чтобы найти тех соседей, с которыми мы хотим жить».

Р.: Да, то есть они же, попадая в деревню, попадают в определенную культурную среду. И не факт, что эта среда окажется такой же.

И.: Как правило, да. Оказывается, что эта среда просто совсем другая, это чужие люди. А здесь, в поселении - единомышленники.

Р.: *На пути миграции это как раз очень важный барьер, то, что люди, переехав куда-то, без единомышленников, без знакомых, они могут просто в капсуле оказаться и без социальной жизни. В этом плане людям просто комфортнее в экопоселениях - с этим можно пообщаться, к тому в гости сходить, какие-то общие праздники устраиваются.*

И.: Да, но вот есть те, которые все-таки нашли в сельской местности себя. И, что интересно, что они активно включаются в жизнь местного сообщества. Кто-то организовал праздник в Доме культуры на 9 Мая, чтоб музыка и что-то еще, кто-то создал сайт, который продвигает эту маленькую деревню. То есть, они готовы еще на какие-то общие блага работать и считают, что это важно - вокруг себя и среду преобразовывать.

Р.: *Вы вчера говорили, что уезжают люди образованные и с какими-то ценностями, «цвет» условно. Они уезжают, и таким образом, когда люди откуда-то уезжают, то ситуация здесь становится еще хуже. Но если они приезжают куда-то и там делают жизнь лучше, то это такой позитивный момент на самом деле.*

И.: Но там – кто кого.

Р.: *Кто кого пересилит.*

И.: Хватит ли у них ресурсов, чтобы вот эти свои ценности продвигать. Кто-то стал участвовать у нас в празднике древонасаждения, не то, чтобы участвовать, а он инициировал, чтобы каждый приехал парк общий создать. То есть, такие люди активные есть, не замыкаются в себе, а вокруг себя создают качество жизни какое-то.

Р.: *Да, они активные. Люди, которые оказались способными на такой поступок, у них, действительно, потенциал есть такой, преобразующий. Поэтому, да, можно говорить не только о том, что среда в городе портится. На самом деле они могут менять жизнь не в городах, а в селах. Это тоже интересно очень.*

И.: В вашем опросе на 1600 человек по структуре вопросов можно ли выявить среди тех, кто имеет намерение переезжать, именно тех людей, которые нужны для качественного преобразования сельской среды?

Р.: *Может быть, там же есть вопросы про социальный оптимизм, возможно - вопрос про доверие.*

И.: Или про какую-то еще социальную активность...

Р.: Да, насколько они активны, но это надо посмотреть. Я сейчас вам так с ходу не скажу, наверное. То есть, насколько те люди, которые готовы переезжать, обладают потенциалом, да?

И.: А Вам, как эксперту, насколько кажется эта перспектива постурбанистического развития реальной? Это перспектива или это все-таки отдельные люди сейчас? Как Вы думаете, как у нас решится проблема урбанизации и постурбанизации?

Р.: Сейчас это, наверно, отдельные люди, я бы сказала, отдельные коллективы людей, может быть. А вообще, если говорить даже про дальность нашего второго исследования про миграцию из города в село, по нашим подсчетам, кто готов переехать, вернее, кто задумывался – 20%, кто какие-то конкретные действия предпринимал уже. Понятно, что это декларации в любом случае, но, тем не менее. У нас получилось 3%. Вообще, если подумать, 3% от населения России – это миллионов 5. То есть, если 5 миллионов человек в России задумывались о том, чтобы переехать, то это, вообще-то, цифра немаленькая. Может быть, они как раз и могут выступать этими «драйверами». Есть же модель, как инновация любая принимается. Сначала есть «адаптеры», их очень мало, потом еще какие-то, а потом это все пошло-пошло, и совсем чуть-чуть осталось, люди, которые консервативные, они уже в конце это приняли, или не приняли. Мы в принципе считаем, что они могут выступать «драйверами», то есть теми, за кем могут последовать потом. Но при этом должны быть сделаны какие-то действия, многие люди же пытаются переехать, у них не выходит.

И.: Нам рассказывали, что покупают участки - то есть люди хотят переехать, - но ничего не делают.

Р.: Они могут не знать, как.

И.: Или даже строят дом, но потом все равно не живут. И сами жители поселений говорят, что это плохо: «Потому что мы хотим, чтобы вокруг жили люди». Вроде бы чья-то собственность, но, тем не менее, пустота. Почему людям не удается это сделать? Это, конечно, тоже интересный вопрос. А что им помешало? При том, что они уже даже сделали.

Р.: Может быть, в рамках вашего исследования было бы интересно поговорить с кем-то, кто попытался, но не смог. Что его остановило, почему? Мне кажется, причин может быть... Начиная от личных, заканчивая финансовыми.

И.: И причем это большая даже группа таких людей. Вплоть до того, что в поселениях хотели принять такое правило, что если ты не по-

строился в течение трех лет, то участок у тебя уже забирается. Только с серьезными намерениями.

Р.: Там разные, конечно, правила есть в разных поселениях. Но я думаю, что должны быть преодолены какие-то барьеры. Законодательные есть барьеры, та же инфраструктура, невысокий уровень развития медицины, образования в сельских поселениях. По вчерашним результатам презентации было видно, что одним из главных барьеров выступает неразвитость этих учреждений.

И.: А вдруг что....

Р.: На самом деле, мы же посмотрели по данным, там действительно преобладает готовность переехать у групп от 24-35 лет, а потом уже 45-54 лет. То есть это те люди, которые либо только начинают свою самостоятельную жизнь, или те, кто заканчивает свою экономическую жизнь. Они еще в силах, но они понимают, что через 10 лет, возможно им нужно будет, чтоб поликлиника была где-то рядом. Или те же мамочки, которые переезжают, им тоже надо будет, мало ли что.

И.: Да, маленькие дети.

Р.: Хотя, там разные тоже есть идеи. Есть деторождение в воде...

И.: Домашнее, дома. Но, тем не менее, лучше, когда подстраховаться можно.

Р.: Под присмотром, да. Наверное, как-то надо преодолевать эти барьеры. Но тут они сами не справятся с этим, тут от государства какие-то должны быть шаги.

И.: Да, конечно, если это является барьером. У нас было экспертное интервью с риэлтором, которая как раз занимается тем, что помогает людям из города искать негородскую недвижимость. В пределах Ростовской области километров 200. Так вот она тоже говорит: «Я всегда смотрю на тех людей, которые хотят уехать из города, и если у них, допустим, маленькие дети, говорю: Вы ж подумали? А вдруг что? Где больница и все остальное. Даже отговариваю людей, что они не смогут там жить. У меня есть опыт, когда люди приезжали и бросали, потом опять мы все это перепродавали».

Р.: В целом, если уже на уровне законодательном принимаются какие-то законы про гектар, то информировать нужно людей о том, что это есть. На самом деле не очень многие люди знают про это. Может быть те, кто в теме, они заинтересованы. Это такая должна быть стратегия очень комплексная, государственная. Вообще, как Вы правильно вчера сказали, это на уровне национальной безопасности. Проис-

ходит обезлюдение территорий, на которые заселяются какие-нибудь китайцы - у нас просто полстраны могут заселить, а потом мы будем решать, что с этим делать. Я хотела добавить, что на самом деле получается смотрите что: у нас явление направленное, и из села есть миграция в город, естественно, и из города в село обратно. Если в принципе в селе будут лучше условия, лучше инфраструктура, какие-то занятия для детей – то, что является сейчас барьером, - то и оттуда уезжать люди не будут. Это вообще базовая основа для того, чтобы люди там жили. Развитие инфраструктуры в сельской местности может как остановить миграцию из села, так и способствовать миграции из города.

И.: Но, глядя на качественный состав сельских жителей, он же ухудшается очень сильно.

Р.: Ухудшается, потому что лучшие уезжают в города.

И.: Но насколько это можно будет восстановить? Почему экопоселенцы и хотят жить не ближе 20 километров от сельских населенных пунктов - потому что там среда совсем не такая. И мы беседовали: «А как вы выстраиваете отношения?», они ходят или ездят туда, покупают молоко, яйца еженедельно. Говорят: «Просто мы очень толерантны, терпимы, все понимаем, поэтому стараемся мирные отношения выстраивать». Но они понимают, что это все-таки другие люди, они не хотели бы жить рядом с ними. Это другая среда.

Р.: Возможно, если бы там оставались те люди, которые уезжают в город, там тоже была бы среда другая, не такая депрессивная.

И.: Но, похоже, что они все оттуда уже уехали.

Р.: Но тут уже зависит от нашей установки, либо мы решаем, что уже все совсем плохо, либо мы считаем, что тут еще можно что-то изменить.

И.: А вот зарубежные какие-то такие эмпирические исследования вам знакомы?

Р.: Зарубежные исследования знакомы, да.

И.: По экопоселениям или по отъезду из города?

Р.: Скорее по экопоселениям, потому что мы там очень большой литературный обзор делали вначале проекта. Есть ассоциации международные, которые исследованиями занимаются.

И.: А есть оценки того, сколько у них людей переезжают из городов?

Р.: Я сама не могу точно сказать, но мне кажется, что это можно найти. Поскольку это явление и в США, и в Европе зародилось гораздо раньше, чем у нас.

И.: Движение экопоселений – да. Это даже знают вот эти жители родовых поместий, наши респонденты.

Р.: Там это все старше на 50 лет.

И.: Но там это больше связано с дауншифтингом, на что они опираются. А вот так, чтобы и с новыми технологиями, и с новым образом жизни...

Р.: Вы знаете, я случайно примерно в тот момент оказалась в поселении Ауровиль в Индии. Это очень крупное, наверное, самое крупное поселение в Индии. Это попытка построить город без наций. Там несколько тысяч человек сейчас проживает. Нельзя сказать, что эта попытка прямо удалась, но это такой обычный пример, его описывают. И там живут люди из разных стран, там даже 13% русских, по-моему, было на тот момент, и как раз те, кого мы там встречали, они были очень компьютеризированные и адаптированные к городской жизни. Они, скорее, были похожи на такой пример дауншифтинга, когда люди уезжают в Таиланд, в Индию, при этом продолжают работать, просто удаленно. Там есть кейсы такие, где люди не сельским хозяйством явно занимаются, и не каким-нибудь рукоделием, а именно работают удаленно с новыми технологиями.

И.: Хорошо. А вот у нас один из вопросов - это по структуре бюджета, откуда они деньги берут. Вы такими вопросами интересовались?

Р.: Да, задавали вопросы. Мы пытались понять, насколько жители экопоселений независимы от города на самом деле. Они-то декларируют, они уехали, и что они самодостаточны. На самом деле, кто-то продолжает ездить на работу.

И.: Кто-то на конференции вчера вопрос задавал о том, что квартиры в Москве сдают и живут на эти деньги.

Р.: На самом деле, это практика весьма распространенная.

И.: Среди наших респондентов не было.

Р.: У нас были такие. Ну, кто-то наоборот, продает квартиру, чтобы переехать.

И.: Такие – да были, продавали и строились на эти деньги.

Р.: А кто-то, например, у него огромный дом на 200 квадратных метров, может быть и больше, мужчина, он продолжал работать, у него была очень хорошая зарплата в городе, поэтому он не был готов от-

казаться от нее. Каждый день он ездил на работу. Это Тульская область. По сути, оказывается, что связи с городом экономические у них есть. Они даже не то, что есть, они довольно широким потоком идут. Ну, как Вы даже говорите, пойти в магазин, понятно, что это все равно в село пойти.

И.: Это магазин за 20 километров ближайший. А так они еще ездят в Краснодар на базы, это чуть дальше, но это раз в месяц они ездят, покупаются полностью. Естественно, им нужна такая инфраструктура, раз они это у себя все не производят.

Р.: *И понятно, что некоторые вещи нельзя просто произвести в поселении. Если это поселение не на архаику завязано, где совсем все по дедовским методам, то тогда они просто вынуждены поддерживать связи с городом. Есть, конечно, те, кто работать пытается в поселении, они, например, дома строят другим людям.*

И.: Да. Распространено строительство или работа вахтовым методом.

Р.: *Или куда-то ездят, пасака у кого-то. То есть пытаются что-то производить.*

И.: В южных поселениях есть экотуризм. Они приглашают к себе, к ним действительно приезжают, они селят, специальные домики гостевые делают.

Р.: *Мне кажется, что можно по пальцам пересчитать те случаи, когда это успешно. Потому что, во-первых, экотуризм пока не сильно у нас распространен, как и покупка того, что они производят: органические товары, косметику – хотя сейчас есть тренд на потребление таких товаров. Но они оказываются все время дороже, чем обычные товары. Плюс это потребление идет в рамках того же круга людей, которые этим увлекаются.*

И.: Рынок не такой большой, ограниченный.

Р.: *Я бы не сказала, что там есть рынок сформированный, что есть какие-то отработанные модели сбыта. Мне кажется, что если это удачно, то это какие-то кейсы отдельные.*

И.: С этим сложно. Я думаю, тоже надо подумать власти, а как бы создать какие-то условия, чтоб у людей были постоянные источники дохода.

Р.: *Вот видите, если бы собирались работать фермерами, то есть заниматься сельским хозяйством, то возможно это был бы какой-нибудь вариант, но вот как мы по исследованию, по нашим данным, вы-*

яснили - если переезжать и работать, то сельским хозяйством готова заниматься лишь очень небольшая часть людей. Это не то, что люди из города желают переехать, да еще и сельским хозяйством заниматься.

И.: Но у них есть же эта пермакультура, что это все растет само по себе. Но оно дает пока очень небольшие результаты.

Р.: Мне в интервью говорила одна женщина: «Я когда приехала, я же книжек начиталась про Анастасию. Я тоже сначала так все - семена во рту подержу, а потом их сажаю. А потом не возшло у меня ничего на следующий год. Я стала уже задумываться, как бы это делать». В Краснодаре, конечно, может быть, это все само собой колосится. Но в наших северных регионах, где семечку подержал, а она потом разрослась – это, конечно, наивно.

И.: На юге скорее сады хорошо растут, экопоселенцы в таких местах живут, где сады, например, яблочные, можно выращивать. А то, что на земле растет, то почва сама не очень к этому пригодная. Поэтому есть, конечно, проблема с доходами. И респонденты наши тоже говорят, что человек должен подумать, на что он будет жить. И если у тебя есть постоянные источники дохода, тогда можешь попробовать.

Р.: По крайней мере, какое-то первое время, потому что пока у тебя ничего не выстроено, никаких в смысле рынков сбыта, направлений. Даже если ты там чем-то собираешься заниматься, это в любом случае вклад. Это как любой старт, все равно в начале надо вкладываться.

И.: А вот вы у них спрашивали, считают ли они себя бедными людьми или богатыми, как оценивают уровень своего благосостояния?

Р.: Вообще по наблюдению нельзя сказать, что это богатые люди, но у них же еще есть идея сокращения потребления, как правило. То есть, это потребление не только ресурсов земли, но еще одежды и других товаров. Все очень просто одетые. Хотя тоже различается на самом деле, у кого-то дом в 200 квадратных метров, у кого-то дом со стеклянной стеной, новые технологии используются, а у кого-то саманный дом. Тот дом, где я жила в экопоселении - это первый дом, который появился на всем поле, его строили всей общиной, это саманный дом - просто глина и солома, мешки с соломой, которые глиной обмазаны. Маленький такой домик. По жизни, по быту хозяев нельзя сказать, что они богатые. Но мне кажется, что если вы будете такой вопрос задавать, вам часто будут отвечать, что они по внутреннему миру больше богатство оценивают. В смысле, само по себе богатство - это не ценность, которая является важной, приоритетной.

И.: Но при этом они не называют себя бедными людьми?

Р.: Нет. Вы знаете, мы наблюдали такой очень интересный момент, я не знаю, с чем это связано: многие говорят, что они в городе были очень успешными людьми, бизнесменами, а потом от всего отказались и уехали сюда. То есть, вот эти все материальные блага стали им не нужны, поэтому они приехали сюда жить.

И.: Есть такое. Говорят, что «Там я слишком много тратил». Человек в Москве жил, говорит: «На обеды, на одни обеды, я как вспомню, сколько я тратила, это же очень дорого в Москве. А тут мне ничего не нужно, этот дресс-код... в офис ходить, поддерживать. А тут зачем это все?» И сократились расходы поэтому. Но мы спрашивали: «А вы хотели бы зарабатывать больше?», и, как правило, все говорят: «Хотели бы».

Р.: Да, мне кажется, что там есть нехватка средств определенная.

И.: Правда, на вопрос «А вот, если бы вы больше зарабатывали, то куда тратили бы?» они говорят: «А вот я бы сделал что-то типа Диснейленда для детей», и «К нам бы приезжали со всей страны или из ближайшего района дети отдыхать. Мне вот это интересно». То есть такое что-то еще построить для всех, общее.

Р.: Все равно запрос получается есть. Плюс мне еще кажется, что все-таки там есть момент лукавства какого-то, когда люди говорят: «Да, я был очень успешным человеком в городе, просто от этого отказался». От хорошей жизни, прямо от совсем хорошей, когда тебя все там устраивает, люди не переезжают, наверное. В смысле, есть, наверное, какой-то...

И.: Выталкивающий фактор?

Р.: Что-то, наверное, повлияло. Может быть, в какой-то момент город настолько надоел, но, если он был очень успешным человеком - а это, как правило, и потребление выше, то есть запросы какие-то, - а тут внезапно он решает переехать. Мне кажется, в экономическом моменте есть какая-то тонкость такая, которую интересно было бы тоже поискать вам. То есть, как они оценивают свое материальное состояние до, как они оценивают его сейчас, и, как Вы говорите, хотели бы они больше зарабатывать. Это интересно.

И.: Ну просто сейчас еще у многих этап строительства - это люди, которые не так давно переехали.

Р.: В нашем исследовании мы также проследили этапы становления экопоселений. И первый этап - это такой очень оптимистичный этап, когда они все собираются, это столько надежд, столько позитив-

ных эмоций. Возможно, конечно, они через эту призму смотрят сейчас на свой переезд и говорят: «Все хорошо». «Как вы оцениваете свое материальное положение?» - «Хорошо оцениваю, все нормально». А потом-то они понимают, что еще что-то нужно было бы, а денег нет, и где их взять непонятно. То есть это еще может зависеть, на мой взгляд, от того, как долго люди живут в поселении. Потому что как раз те, которые живут дольше, у них уже происходит этап рефлексии. То есть кто-то пришел – все оптимисты, все на драйве на таком. Потом кто-то остается, а кто-то уходит, потому что он понимает, что это не для него. А потом те, кто остаются, у них конфликты возникают, естественно, сквозь эти конфликты тоже какие-то выводы возникают, и потом уже становится понятно, что, например, нельзя экопоселению быть закрытым, что надо все равно поддерживать связи с государством, с властью.

И.: Или в Цице были отцы-основатели, которые считали, что не нужно никаких дизельных генераторов для выработки электроэнергии, потому что они портят экологию и все прочее. А потом жизнь показала, что все-таки без генераторов не обойтись, и поселенцы стали более лояльно относиться к источникам энергии. Или там были очень жесткие требования, чтоб все были вегетарианцы, но потом требования стали более толерантными. Иначе нельзя заполнить, нельзя людям все это предписать.

Р.: Или семечки во рту держать перед посадкой, а потом просто уже нормально сажать. Осмысление потом происходит, как правило, и меняются оценки.

И.: А вот еще у нас вопрос, меня он особо интересует, как поселенцы жилище обеспечивают, насколько современные технологии жизнеобеспечения внедряют? Вы на это не обращали внимание? Специально не спрашивали?

Р.: По-разному, наверное. Это я из наблюдения могу сказать. В той семье, где я жила, там была солнечная батарея... Вода была просто из колодца ведрышком принести.

И.: А отопление - дровами?

Р.: Отопление - дровами. Но саманный дом считается очень теплым. Он очень холодный летом и теплый зимой.

И.: В родовых поместьях мы тоже видели такие.

Р.: А так, в принципе, рядышком было место, где все жители выходят в Интернет – это Общий дом. Там Интернет у них был подведен, модем, и в принципе очень хорошая сеть была. А у кого-то генераторы

стояли. Вода - не знаю, насколько подведена или нет, наверное, биотуалеты сделаны. То есть, какие-то есть попытки имплементации вот этих технологий.

И.: Вы не помните, чтобы они жаловались на это? Наши респонденты считают, что у них нет проблем в этом плане, что они все решили. Даже те, у кого не все эти технологии задействованы. Но они говорят, самое главное - чтобы была электроэнергия. Если есть электроэнергия, значит можно нормально жить.

Р.: *Я тоже с жалобами не сталкивалась. Хотя какие могут быть жалобы от людей, которые приехали и первую зиму жили в палатке. Зимой - в палатке! Это очень стойкие люди.*

И.: Вы летом ездили, а вот зимой было бы интересно посмотреть. Они первое время даже уезжают в город, потому что тяжело зимой выживать. А потом гордятся, что мы вот...

Р.: *Еще считается, что проживание зимой - это показатель того, сколько живет людей в поселении в принципе. Например, на сайтах пишут: «десять семей зимуют». Это значит, что вот он костяк, который зимует. А те, которые приезжают, это как бы так, дачники, туристы. Зимование - важный показатель того, насколько поселение на самом деле крепкое.*

И.: По моим ощущениям, это все-таки люди очень интересные, и главное - от них исходит счастье. Они все время говорят: «Я стал более счастлив, несмотря на все трудности».

Р.: *Да. Хотя конфликты там тоже случаются. Это ж все люди.*

И.: Случаются конфликты. Но большей частью, как мы спрашивали, это такие межличностные конфликты, не глобальные.

Р.: *Бывает, что руководители, которые стояли у истоков, друг с другом вдруг не договариваются о чем-то, разное понимание возникает у людей.*

И.: Там, где нет жестких требований и какой-то идеологизации, там они более автономно живут в этом плане, и только когда у них возникают какие-то общие вопросы, тогда и могут возникать конфликты. Эти конфликты бывают по поводу мест общего пользования – например, все складываются, а кто-то нет. Вот это вечная проблема безбилетника с общественным благом.

Р.: *Это в любой общественной организации может быть.*

И.: Да, в любой общественной организации. Но они говорят, что в городе острее эти конфликты и больше людей, которые склонны укло-

няться. Там у них, все-таки, это все легче решается, даже просто по их оценкам. Моральное воздействие среды, видимо, имеет значение. Только самые-самые такие бессовестные могут уклоняться.

Р.: *Это еще надо смотреть в разрезе количества лет, которое поселение существует.*

И.: *Да, наверное, чем больше лет, тем меньше таких вот склонных к уклонению.*

Р.: *Вообще да. Я хочу сказать, что они очаровывают, конечно, эти люди, они такие «не такие». Я думаю, что большинство людей подспудно разделяют идею того, что на природе хорошо, но вот есть такие люди, которые готовы переехать ближе к природе. Но я Вам хотела бы сказать, что исследователю стоит подходить не с такой вот «очаровывающей» позиции, а с критической, чтоб какие-то моменты выделять важные. Нам кажется, что поскольку мы как раз начинали с того, что это эскейп, то и какие-то важные моменты мы поняли, которые чуть меньше идеализируют это все движение и как-то чуть приближают «на землю».*

И.: *А все-таки, как Вы думаете, по структуре тех, кто уезжает, это больше, все-таки, эскейп или поиск нового качества жизни?*

Р.: *Тут надо сделать оговорку, конечно, тех, кто уезжают, и у кого это эскейп, мы не нашли. Они не оставляют свои контакты. Есть поселения полностью закрытые, и они пишут, что приехать туда возможно только с кем-нибудь «своим». А кто-то же вообще не оставляет о себе информацию.*

И.: *Я так поняла, что вы в тех поселениях нашли какую-то часть, для которых это поиск, но, все-таки, большая часть - это эскейп. Мы так поняли это по отчету.*

Р.: *А мы как раз стали считать, что это не эскейп, а новое качество жизни. Я когда приехала из поселения, то сформулировала, что это скорее не «уход от», а это «переход к». Все-таки слово «эскейп» имеет окрас скорее негативный – «исчезновение». А эти люди, они же присутствуют в информационной среде, они есть в Интернете, есть их сайты. Они вполне себе спокойно делятся информацией. Сейчас они даже стали приезжать на какие-то конференции. Я думаю, что эти люди заняты поиском новой жизни, и они даже готовы кому-то показывать эту жизнь. А те, кто не готов, те, у кого эскейп – мы их не видим. Тут смещение есть в любом случае. Как, например, когда проводится телефонный опрос: «Здравствуйтесь, телефонный опрос. Можете принять участие в*

исследованиях?». Одни говорят «нет», другие более активны, более открыты. Это определенная часть населения. Здесь то же самое. Те, кому не надо, те, кто хотел эскейпа, они его получают, живя в каком-нибудь домике на опушке леса, и нигде в интернетах про них не написано.

И.: А каково отношение к городу? У Григория Никифоровича Дончевского, руководителя нашего проекта, возник термин «урбанолуддиты», то есть те, кто хочет разрушить все, что дает город. Вот таких вот урбанолуддитов не встречали? Которые очень негативно относятся ко всему, что несет город, урбанизация, городской образ жизни. Или это скорее характерно для эскапистов, уезжающих из города?

Р.: *Возможно, да, для таких людей более характерна неприязнь города. Можно это проверить, хотя непонятно, как этих людей найти. Мне кажется, есть такой тренд, не про город, а вообще про цивилизацию массового потребления, массового производства, вот этих всех масс-медиа, то, что скоро этой цивилизации придет конец. То есть это не то, чтобы города надо разрушить, а то, что они сами скоро себя разрушат из-за того, что там плотность населения очень высокая, экологическая среда нездоровая. Как скоро это – разные представления. Но именно идеи о том, чтобы это все разрушить, мне кажется, я не встречала.*

И.: То есть, все-таки, пусть города будут?

Р.: *Из тех, с кем я разговаривала, это, наверное, так: «Пусть города будут, но мы не в них, мы за пределами городов». Кстати, на Ваш вопрос про развитие тренда можно еще добавить, что, например, в той же самой Америке, где одноэтажные домики, в принципе меньше возникает этих вопросов, потому что они уже и так живут на земле.*

И.: Да. У нас или очень крупные города, или совершенно низкая плотность населения.

Р.: *Или совершенная пустота, да. А там вот едешь и едешь и все вот эти одноэтажные домики кругом. Может быть части людей, которые желают переехать из города, им вот этого уровня было бы уже достаточно. То есть переехать из высотного панельного дома просто в свой дом, окруженный маленьким садиком и своей площадкой, где цветочки можно сажать.*

И.: То есть не обязательно уезжать?

Р.: *Да, может быть и не обязательно. Тут, наверное, какую-то градацию проводить надо. Может быть просто человек не готов уезжать из города, но хотел бы жить в частном доме, чтоб в принципе зеленее было кругом.*

И.: Речь идет о сельско-городских партнерствах, на Западе развиваются такие проекты...

Р.: *Да, поэтому, возможно, на Западе не так стоит этот вопрос.*

И.: Не так остро, как у нас. Тем более у нас - это искусственное расселение, урбанизация, которая сложилась. Это принудительное строительство городов именно в местах, связанных с промышленностью.

Р.: *Еще помню такую фразу, на каком-то урбанистическом семинаре кто-то сказал, что наши многоэтажки – это решение социальной проблемы. То есть, это не то, что люди хотят жить в многоэтажках, а их надо было куда-то заселять. Вот что делать? Территории мало, будем строить вверх.*

И.: Хорошо, а вы дальше планируете как-то эту тему изучать? Остались какие-то непроверенные гипотезы или нерешенные задачи? Или вам уже все понятно в этом направлении?

Р.: *Мне кажется, что, как и в любом другом явлении, здесь есть еще много всего интересного.*

И.: То есть, может быть, будет продолжение этой темы?

Р.: *Может быть, да. Вот ваше исследование чуть-чуть с другой стороны, тоже интересное дополнение делает к нашим данным. Мне кажется, что тут поле богатое на самом деле. Очень много изучением экопоселений занимались, кстати, Иван и Антонина Кулясовы из поселения «Нево-Эковиль», про которое я уже говорила – они тоже социологи.*

И.: Есть еще Угорский проект Покровского?

Р.: *Да, это деревня Медведево в Мантуровском районе Костромской области - мы тоже, кстати, там побывали в прошлом году. Мы ездили на регулярную конференцию СОПСО, которая там проводится. Там куплено несколько домов в полузаброшенной деревне. Я не знаю, кто там живет, кроме социологов, которые приезжают на лето, и нескольких людей, которые им помогают. Там была еще пара очень интересная, они географы из Москвы, купили дом огромный - это же такие северные дома, дома-корабли. Там сарай сразу на первом этаже, сам дом со второго начинается. Они его купили в 2010 г. за 40 тысяч рублей с участком в 4 гектара. Они туда приезжают. Они говорят: «На майские праздники приезжаем, и на месяц приезжаем летом в августе. Вложения такие были небольшие, мы приезжаем и тут отдыхаем». Они, конечно, не все время там присутствуют. Но когда устраивается встреча Сообщества социологов, там много людей. Наверное, у них есть какие-то идеи, как развивать дальше это все.*